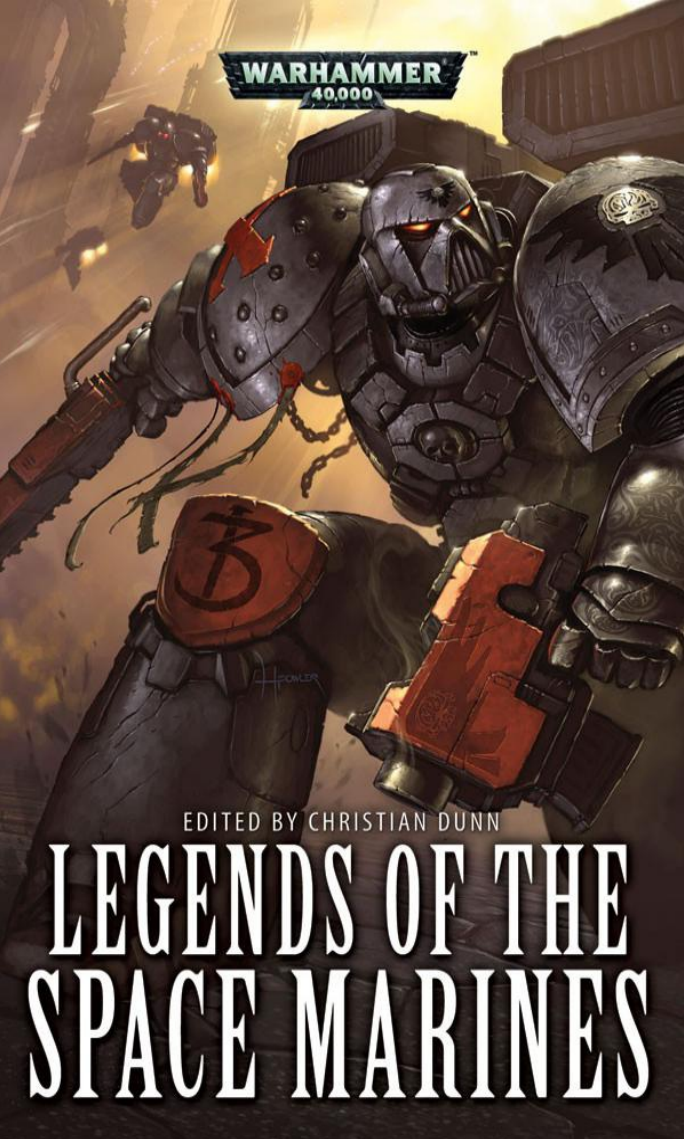

The cover art features a large, imposing Space Marine in the foreground, wearing a helmet with a red lightning bolt and a red arrow on the side. He is holding a large, red, rectangular object in his right hand. In the background, another Space Marine is visible, flying through the air. The scene is set in a dark, industrial environment with a yellowish-orange glow.

WARHAMMER

40,000

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

LEGENDS OF THE SPACE MARINES

АДСКАЯ НОЧЬ

Ник Кайл

Дождь не может идти все время...

Настроение солдата, помогавшего тащить через болото взятую на передок лопатку, было подавленным.

«Сотрясатели» начали артобстрел. Неморопливое и размеренное бам-бам -- пауза - бам-бам в глубоком тылу - в окрестностях штабного бастиона

заставляло солдата инстинктивно вздрагивать каждый раз, когда снаряд завывал над головой.

Это было глупо: смертельный груз, выстреливаемый осадными орудиями, был, по крайней мере, в тридцати метрах от земли на апексе своей

траектории, и, тем не менее, он по-прежнему пригибался.

Выживание стояло высоко в списке приоритетов солдата, выживание и, конечно же, служба Императору.

Аве Император.

Его внимание привлек вопль справа от

него, хоть и пригнущенный гулом дождя.
Он повернулся, из его носа текли ручейки,
и увидал, что

лазнушка провалилась. Одно из задних
колес ее лафета погрузилось в грязь,
засасываемое невидимым болотом.

Восток, дай мне руку. - Старик

Генк, кадровый солдат скорчил рожу
Востоку, пытаясь загнать приклад
лазгана под застрявшее колесо и
использовать его как рычаг.

Трассирующий огонь хлестнул над
головой, полосы магна разрезали
темноту. Они шипели, пронзая плену
дождя.

Восток заворчал. Пригнувшись, он с
трусом заковылял на помощь товарищу
канониру. Присоединив свое оружие к
обнадеживающему рытью, он толкнул его
вниз и попытался запереть под колесо.

- Засунь его поглубже, - посоветовал Генк,
морщины на его обветренном лице
становились темными трещинами с
каждой далекой вспышкой

осадных снарядов, ударяющих в пустотный щит.

Хотя каждое попадание приносило новый всплеск энергии, расходящейся по щиту, оборона города держалась. Если 135-я фаланга собирается

пробить ее -- ради славы Императора и праведного желания -- тогда им надо добавить огневой мощи.

- Перегрузить генераторы, - сказал сержант Харвер.

- Подвести наши орудия ближе, - распорядился он. - Приказ полковника Тенча.

Не очень изысканно, но они были Гвардией - Молотом Императора: прямолинейность сделала простых солдат лучше.

Тенк начал паниковать: они отставали.

Группы солдат фаланги тянули тяжелое оружие и быстро маршировали в боевых порядках по полю боя, изрытому брошенными траншеями, утыканному пучками колючей проволоки, торчащими как дикая трава в некой пустынной прерии.

Понадобится много людей, чтобы снять осаду; еще больше, да еще с артиллерийской поддержкой, чтобы полностью разрушить действующий пустотный щит. У людей фаланги было приблизительно десять тысяч душ, готовых пожертвовать свои жизни ради славы Трона; больших пушек, во всяком случае, снарядов для них, у них не было. Канцелярская ошибка Департамента Мониторинг стояла боевой группе нехватки около

пятидесяти тысяч противотанковых снарядов. Меньше снарядов означало больше пушечного мяса. Немедленно была принята более агрессивная

стратегия: все лазпушки и тяжелое оружие подтянуть на пятьсот метров и открыть огонь по пустотному щиту.

Фаланге не повезло: войны легче вести через далекое перекрестие прицела. У Востоку тоже не повезло.

Хотя они с Генком старались из всех сил, вытаскивая оружие, он заметил, как несколько его товарищей упали от

ответного огня мятежников, удобно устроившихся позади своего щита, в своей броне и фразовых огневых позициях.

Ублюдки.

Готов поспорить, что и сухие при этом, подумал уныло Босток. Его плащ расстегнулся, зацепившись за ручку вертикальной наводки, и он громко выругался, когда ливень проточил его красно-коричневую стандартную униформу.

Когда он застегнул плащ и натянул сильнее шлем с широкими полями, впереди раздался приглушенный крик — расчет тяжелого болтера и

половина пехотного отделения исчезли из поля зрения, словно проглоченные землей. Некоторые из старых огневых позиций и траншей

оставались пустыми, исключая того, что сейчас они были заполнены грязной водой и жижей и представляли такую же смертельную опасность, что и зыбучие пески.

Восток пробормотал молитву, сотворив знак аквилы. По крайней мере, это был не он и не Генк.

- Будь проклято Око, вы чего застряли, солдаты?

Это был сержант Харвер. Шум был оглушительным, шум и артиллерийский обстрел. Он должен был орать, чтобы его просто услышали. Не то, чтобы Харвер всегда только орал, когда обращался к отделению.

- Тащите эту фразову штучковину, болотные крысы, - подбодрил он. - Вы еле тащитесь, солдаты.

Харвер жевал толстую сигару из виноградных листьев, торчащую под черной линией его закрученных усов. Он либо не замечал, либо ему было

все равно, что она давно погасла и висела как толстый, мокрый палец из угла его рта.

Треск статики из радиостанции вокс-оператора прервал тираду сержанта.

- Больше звука: громче, Ронер, громче.

Вокс-оператор Ронер кивнул, после чего опустил устройство на землю, и стал возиться с настройками.

Через несколько секунд сигнал усилился и вернулся с голосом сержанта Рамне.

- ... Замечен враг! Они на ничейной земле! Ублюдки за пределами щита! Я вижу, вот дерь...

- Рамне, Рамне, - Харвер рычал в трубку. - Ответь, мужик! - Его внимание переключилось на Ронера.

- Быстро другим канал, солдат, будь так добр.

Ронер уже работал над этим. Каналы связи, соединяющие пехотные отделения с артиллерийским командованием и друг с другом, переключались

в мешанине потех, криков и странно приглушенной стрельбы.

Наконец, они получили ответ.

- ...аливайте отсюда! Трон Земли, это не возм...

Голос затих, но связь не нарушилась. Было слышно усилившуюся отдаленную стрельбу

и что-то еще.

- Я слышал... - начал Харвер.

- Колокола, сэр, - предположил Ронер в редком приступе разговорчивости. - Это звонили колокола.

Потехи оборвали связь, и в этот раз Харвер повернулся к солдату Востоку, который почти сдался, пытаясь высвободить ладонь.

Колокола не прекращали звонить. Они звучали и в этой части поля битвы тоже.

- Может быть, ветер принес звуки, сэр? -- предположил Генк, залепанный грязью от своих потуг.

Слишком громко, слишком близко, чтобы быть просто ветром, подумал Восток и вытащил ладан, повернувшись лицом к темноте.

Там были силуэты, дергающиеся как в кинокадровой съемке с каждым всплеском пустотного щита -- это были его товарищи, находящиеся в

пятистах метрах.

Восток прищурился.

Там было что-то еще. Не орудия и не
фаланга, и даже не повстанцы.

Что-то белое и трепещущее в порывах
невидимого ветра. Дождь лил плотной
стеной, не было ни дуновения, и воздух над
полем боя застыл
неподвижно.

- Серж, среди нас есть кто-нибудь из
Экклезиархии?

- Нет, солдат, только собственность
Императора: ботинки, штыки и кровь.

Восток указал на белое мелькание.

- Тогда кто это, фраз подери?

Но мелькание уже исчезло. Хотя колокола
звонили. Громче и громче.

В пятидесяти метрах от них кричали
люди. И бежали.

Восток видел их лица через прицел
винтовки, видел написанный на них ужас.
Потом они исчезли. Он осмотрел
местность, используя оптический

прицел как телескоп, но не нашел их.
Сначала Восток подумал, что они упали в
ров, как замеченные им ранее тяжелый

болтер и пехотинцы, но

он не видел ни рвов, ни траншей, ни
огневых позиций, куда они могли
провалиться. Но их, несомненно, утащили
те, кто двигались среди них.

Все больше криков, слившихся с
колоколами в тревожный шум.

Это испугало сержанта Харвера —
солдаты фаланги исчезали во всех
направлениях.

— Восток, Генк, разверните пушку,
приказал он, выпустив свой служебный
пистолет.

Лазпушка крепко и надежно застряла, но
используя вертлюжный станок, можно
было развернуть ее в боевую позицию. Генк
бросился вокруг

станка, не уверенный в том, что
происходит, но прибегнув к приказам,
чтобы взять себя в руки и не поддаться
растущему страху. Он дернул

фиксирующий палец сильнее чем было
нужно, и развернул оружие в сторону белых
проблесков и воплей, как того требовал

сержант.

- Прикрывающий огонь, мистер Ронер, - добавил Харвер, и вокс-оператор швырнул квадратную рацию себе на спину и вытащил лазган, заняв

стрелковую позицию лежа сразу за лазнушкой.

Восток занял свою позицию за щитом, вставив новую энергобатарейку в казенник орудия.

- Готово!

- На твой выбор, солдат, - сказал Харвер.

Генку не нужно было письменное приглашение. Он прильнул к прицелу, выискивая мелькание, и оттянул спусковой механизм.

Красные раскаленные лучи пронзили ночь. Генк открыл подавляющий огонь по переднему сектору, что отдавало страхом и отчаянием. К

моменту прекращения стрельбы он весь взмок и не от жара выстрела.

Колокола по-прежнему звонили, хотя было невозможно установить их происхождение.

Закрытый щитом город, выглядевший черным пятном на почти темном полотне, был слишком далеко, а резонирующий гул звучал близко и вокруг них.

Бриз принес запах пороха; запах и крики.

Восток попытался рассмотреть что-нибудь сквозь проливной дождь, который маскировал лучше любой камуфляжной окраски.

Мелькания все еще не исчезли, мимолетные и расплывчатые ... и они приближались.

- Еще раз, будь любезен, - приказал Харвер, и его голоса поразила странная дрожь.

Востоку понадобилось несколько секунд, чтобы распознать в ней страх.

- Готово! -- доложил он, загнав вторую энергобатарей.

- Не останавливайтесь, сэр, - сказал Ронер и прицелился из лазгана, прежде чем выстрелить.

Сержант Харвер ответил выстрелом из своего оружия, треск пистолета

присоединился к стрельбе.

Оглядевшись, Восток обнаружил, что они огни; островок фаланги в море грязи, но передовая линия приближалась к ним. Они бежали, безудержно гонимые абсолютным страхом. Люди исчезали на бегу, засасываемые под землю,

- Сержант... - начал говорить Восток.

Впереди, внутри приближающейся линии что-то двигалось, охотясь как пираньи, преследующие косяк перепуганных рыб.

Харвер почти сошел с ума, стреляя импульсивно. Некоторые из его выстрелов и залпов лазпушки Генка разрывали своих же солдат.

Ронер все еще владел собой и бросился вперед, когда закончились боеприпасы.

- Ч-ч... - произнес Харвер, когда Восток вскочил и побежал как угорелый.

Ронер исчез мгновение спустя. Ни криков о помощи, ничего; просто прекратилась стрельба из его лазгана, а затем тишина сообщила о смерти

бесстрашного вокс-офицера.

Сердце молотило в груди, его плащ был растегнут, подставляя его стихии. Восток бежал, обещая больше никогда не жаловаться на судьбу, если

Император просто пощадит его в этот раз. Убережет его от того, чтобы быть затянутым в землю и похороненным заживо. Он не хотел утирать так.

Восток должно быть волочил ноги, потому что солдат передовой линии обогнали его. Солдат слева от него исчез, его смерть предвещало белое

мелькание и дуновение чего-то старого и влажного. Другой, прямо впереди, был разорван, и Восток уклонился в сторону, чтобы не разделить его

участь. Он рискнул оглянуться. Харвер и Генк исчезли, лазпушка по-прежнему стояла застрявшей, но теперь брошенная или захваченная, этого

он не знал.

Кто-то из фаланги организовывал отход с боями. Отважно, но что они должны

сделать, чтобы отразить нападение?
Такого врага Восток никогда
не видел и не знал.

Без было все, что его сейчас занимало, без
ради своей жизни.

Просто добраться до артиллерийских
батарей, и я буду в порядке.

Но затем затогильный вопль раздался
впереди, и Восток увидел белое мелькание
возле осадных орудий. Артиллерист исчез
под землей, его кепка

осталась на решетке орудийной
платформы.

Большой коток парализующей паники в
грудь Востока поднялся в глотку, угрожая
удушьем.

Нельзя бежать назад, нельзя бежать
вперед...

Он повернул налево. Может быть, он
сможет найти окольный путь в штаб
бастииона.

Нет, слишком далеко. Они доберутся до
него раньше.

В темноте и среди дождя он не смог даже

увидеть огромное строение. Ни одна
сигнальная лампа не направляла его, ни
одного прожектора, чтобы зацепиться.
Смерть, как тьма, была близка.

Колокола звонили.

Люди кричали.

Восток бежал, его зрение рассыпалось в
абсолютный ужас, кусочки ударялись друг о
друга как в калейдоскопе.

Прочь отсюда... Пожалуйста, Трон, о...

Земля под его ногами превратилась в
болото, и Восток застрял. Он запаниковал,
думая, что его почти схватили, когда
понял, что провалился в

воронку по самый подбородок. Борясь с
желанием бежать, он опустился ниже,
пока грязная вода не достигла его носа,
наполнившей ноздри

ужасным и затхлым запахом. Цепляясь за
край грожащими, замерзшими пальцами,
он молил Императора об окончании ночи,
прекращении

дождя и звона колоколов. Но звон колоколов
не прекратился. Они просто продолжали

звонить.

...

Три недели спустя...

- Пятьдесят метров до посадки, - сообщил Ха'кен. Голос пилота звучал жестко из вокс-динамика в Отсеке-Святилище «Огненной виверны».

Через бортовое смотровое окно штурмового корабля Дак'ур видел серый день, льющий дождем.

Ха'кен развернул корабль, летя курсом, который приведет их в нескольких метрах от Скалы Милосердия -- штаба 135-й фаланги и Имперских сил, к которым они присоединились на Ванорисе. Когда штурмовой корабль заложил вираж, сүзив обзор Дак'уру вниз, появилась протокшее поле с

грязными лужами и похожими на слякоть огневыми позициями.

Дак'уру было интересно увидеть больше.

- Брат, - произнес он в вокс-динамик, - открой посадочную рампу.

- Как пожелаешь, брат-сержант. Посадка

через двадцать метров.

Ха'кен отключил запирающие протоколы, которые держали люки «Грозового ястреба» во время перелета закрытыми.

Когда операционная руна

загорелась зеленым, Дак'ур нажал ее и экран начал открываться и опускаться.

Свет и воздух ворвались в боевое отделение штурмового корабля, где боевые братья Дак'ура сидели в задумчивом молчании. Даже в пастурном

рассвете их ярко-зеленая броня блеснула, изображение рычащего огненного дракона на левых наплечниках -- оранжевое на черном поле --

говорило о том, что они были Саламанграми 3-й роты.

Слабый свет озарил их силовые доспехи и приглушил яркое пламя в глазах. Нылая красным цветом добытого огня, оно отражало жар

вулканической родины Саламангр -- Ноктюрна.

- Большая разница с кузнечными ялатами

пог Горой Смертельного огня, - простонал Ба'кен.

Да'ир не мог видеть лица брата пог шлемом, но знал, что тот тоже хмурится на суровую погоду.

- К тому же влажно, - добавил Этек, встав рядом с огромной фигурой Ба'кена и заглянув через широкие плечи Да'кира. -- Но с другой стороны, что еще мы ожидали от муссонного мира?

Земля приближалась, чтобы встретить их, и когда Ха'кен выровнял «Огненную виверну», все великоление Скалы Милосердия растелилось перед ними.

Когда-то она могла быть красивой, но теперь бастион припал к земле, как безобразная горгулья на коричневой грязевой равнине. Угловые оружейные башни, оцетинившись автомашками и тяжелыми стабберами, сокрушили ангельские шпили, что когда-то возвышались в бущующем небе Вапориса; аблятивная броня скрыла

настенную живопись и вычурные колонны,
старые триумфальные ворота с фресками
и витиеватой

филигранью затенили чем-то серым,
темным и практичным. Эти
специфические детали не были известны
Да'иру, но он видел в изгибах

сооружения эхо его архитектурного
значения, намеки на что-то искусное, а не
просто функциональное.

- Вижу мы не единственные
новоприбывшие, - сказал Ба'кен. Остальные
Саламангры в открытом люке
последовали за его взглядом туда, где

«Валькирия» приземлилась в грязь, ее
посадочные опоры медленно погружались.

- Имперский комиссариат, - ответил
Этек, узнав служебный знак на борту
транспорта.

Да'кир молчал. Его взгляд скользнул вдоль
горизонта к далекому городу Афиуту и
пустотному куполу, окружавшему его.
Даже сквозь гүл

двигателей штурмового корабля он

слышал гудение генераторов, питающих поле. Они были похожи на те, что защищали города-убежища его

родного мира от землетрясений и вулканических извержений, которые были частью жизни мужественного народа Ноктюрна. Воздух был

насыщен запахом озона -- еще один побочный продукт пустотных полей. Даже постоянный дождь не мог смыть его.

Когда «Огненная виверна» приземлилась с визгом стабилизирующих двигателей, Дак'ур закрыл глаза. Дождь проникал через люк, и он позволил

ему стучать по доспехам. Его приятный звук успокаивал. Дождь -- по крайней мере, его прохладная, некислотная разновидность -- был редок на

Ноктюрне и даже через броню он наслаждался ощущением. Тем не менее, вместе с ним пришло что-то еще, что-то глубинное. Это было

беспокойство, тревога, чувство настороженности.

Я тоже это чувствую, раздался голос в голове Дак'ура, и его глаза снова распахнулись. Он повернулся к брату Нуриилу, внимательно

наблюдающему за ним. Нуриил был библиарием, обладателем психических навыков, и он мог читать мысли людей так же как те - открытую

книгу. Глаза псайкера вспыхнули лазурно-голубым светом, прежде чем снова стать ярко-красными. Дак'уру не нравилась мысль, что кто-то

копошится в его подсознании, но он чувствовал, что Нуриил едва скользнул по поверхности его разума. И все же Дак'ур отвернулся и был рад, когда земля наконец встретила их, и «Огненная виверна» приземлился.

Когда Саламандры высадились, бриз принес холодный треск лазерного огня.

На другой стороне грязевого поля всего в пятидесяти метрах от подъездного пути к Скале Милосердия расстрельная команда комиссариата

казнила предателя.

Полковник Имперской Гвардии в краснокоричневой форме фаланги забился в конвульсиях, когда раскаленные заряды поразили его, и затих.

Привязанный к толстому, деревянному столбу, он повис на веревках. Сначала подогнулись его колени, и он осел, затем его голова наклонилась

вперед, глаза раскрылись и остекленели.

Комиссар, должность которого выдвигали его атрибуты, смотрел, как его телохранители поднимают лазганы на грудь и маршируют с места казни.

Когда он повернулся, чтобы последовать за ними, его взгляд встретился с Дак'иром. Дождь лился через края фуражки, в центре которой наг

kozyрьком располагался значок серебряного черепа. Глаза комиссара были скрыты тенью козырька, но, тем не менее, отдавали холодом и

суровостью. Имперский офицер не остановился. Он уже возвращался в

бастаион, когда последний из Саламандр
вышел и ратны закрылись.

Дак'ур задумался над тем, какие события
могли побудить полковника к такому
жестокосту финалу, и огорчился, увидев,
как снова поднимается

«Огненная виверна», оставляя их одних в
этом месте.

- Такова судьба всех предателей,
замечил с горечью Цу'ган.

Даже за линзами шлема взгляд Цу'гана
был жестким. Дак'ур ответил тем же.

Между двума сержантами Саламандр не
было братской любви. До того как стать
костодесантниками они находились на
противоположных

концах ноктюрнианской иерархии: Дак'ур -
изнейский обитатель пещер и сирота,
подобные которому никогда прежде не
вступали в ряды

Астартес; и Цу'ган, сын дворянина из
города-убежища Гесиода, близкий к
аристократии и богатству, насколько это
было возможно на

Вулканическом мире смерти. Хотя в качестве сержантов они оба были равны в глазах своего капитана и Магистра Ордена, Цу'ган так не считал.

Да'кир был не похож на большинство Саламандр, его человеческие качества были более сильными и явными, чем у боевых братьев. Из-за этого

порой он оставался одиноким, почти изолированным. Цу'ган не раз замечал это, и решил, что это не просто редкость, а отклонение. С их первой

миссии в качестве скаутов на мирогробнице Морибар воинов разделила язвительность. В последующие годы она не уменьшилась.

- Тягостно видеть такую смерть, - сказал Да'кир, - Хладнокровное убийство без шансов на искупление.

Многие Ордена костодесантников, и среди них Саламандры, верили в приказ и наказание, но они также практиковали раскаяние и возможность искупления. Только если брат был

полностью потерял, отдавшись
Губительным Силам, или был виновен в
таких отвратительных деяниях, что не
мог быть прощен или забыт,
единственной альтернативой становилась
смерть.

- Тогда тебе нужны нервы покрепче,
изнеец, - устехнулся Цу'ган, придавая слову
пренебрежительный оттенок, - ибо твоему
состраданию не
место на расстрельном плацу.

- Это не слабость, брат, - свирепо
ответил Дак'ур.

Нуриил преднамеренно прошел между
ними, чтобы предотвратить дальнейшую
конфронтацию.

- Соберите свои отделения, братья-
сержанты, - твердо сказал библиарий, - и
следуйте за мной.

Оба выполнили приказ: Ба'кен, Этек и
семеро остальных построились за
Дак'уром; в то время как Цу'ган вел такое
же по численности отделение
с точки высадки. Один из группы Цу'гана

стерил Да'кира едва заметным презрительным взглядом, после чего сосредоточился на ауспике. Это был Ягон, заместитель Цу'гана и его главный любимчик. В то время как Цу'ган являл едва прикрытую угрозу и воинственность, Ягон был коварной змеей, намного более ядовитой и смертельной.

Дак'ур проигнорировал взгляд боевого брата и дал команду отделению двигаться вперед.

- Я могу поправить манеры, брат, - прошипел Ба'кен по закрытой радиосвязи, передаваемой в боевой шлем Дак'ура. - С удовольствием.

- Не сомневаюсь в этом, Ба'кен, - ответил Дак'ур, - но давай просто попробуем остаться дружелюбными, хорошо?

- Как пожелаешь, сержант.

Дак'ур улыбнулся в своем шлеме. Ба'кен был его ближайшим другом в Оргене и сержант был вечно благодарен, что гигант - специалист по

тяжелому вооружению прикрывал его спину.

Когда они прошли последние несколько метров к воротам бастиона, внимание Ба'кена обратилось на пустотный щит справа от Саламандр.

Главный комиссар вместе со своим окружением уже скрылся в имперском командном центре. Над головой потемнели небеса, а дождь усилился.

День уступал место ночи.

- Твоя тактическая оценка, брат Ба'кен? - спросил Нуриил, заметив интерес товарища к щиту.

- Постоянный обстрел - единственный способ сокрушить пустотный щит. - Он замолчал, раздумывая. - Или подойти достаточно близко, чтобы

проскользнуть в кратковременную брешь в поле и отключить генераторы.

Цу'ган иронически фыркнул.

- Значит, будем надеяться, что люди смогут сделать это, и вывести нас на расстояние удара, чтобы мы могли

покинуть эту протокищую планету.

Дак'ур разозлился на оскорбление другого сержанта, но сдержал свои чувства. Он все равно подозревал, что оно наполовину было подстрекательством.

- Тогда скажите мне, братья, - добавил Нуриил, впереди вырисовывались ворота бастиона, - почему они отступают со своей артиллерией?

На небольшой гряде, сразу под окрестностями бастиона отходили танки «Василиски». Их глинные орудия были развернуты в противоположную от поля битвы сторону, а сами танки занимали исходные позиции внутри защищенных внешних границ бастиона.

- Действительно почему? - спросил себя Дак'ур, когда они прошли через медленно открывающиеся ворота и вошли в Скалу Милосердия.

- Победа в Афиуме будет одержана крепкими тылами, отвагой и орудиями нашего Бессмертного Императора!

Главный комиссар читал проповедь, когда

Салатандры появились в громадном зале бастиона.

Дак'ур обратил внимание на остатки декоративных фонтанов, колонн и мозаик - все превратилось в руины ради имперской военной машины.

Зал был огромен и позволял имперскому офицеру обращаться к почти десяти тысячам людей разного ранга и звания. Сержанты, капралы, пехотинцы, даже раненые и вспомогательный персонал были собраны перед комиссаром, который предвещал славный образ грядущей войны.

К его чести, он только вздрогнул, когда Астартес вошли в огромное помещение, продолжая свой вдохновляющий призыв к людям фаланги, которые продемонстрировали гораздо большее почтение Ангелам Смерти Императора.

Рожденные в Огне вошли и сняли шлемы, продемонстрировав черную как оникс кожу и красные глаза, которые тускло светились в полумраке.

Вместе с почтением некоторые из гвардейцев выгали свой страх и

благоговение перед Саламанграмми.

Дак'ур ответил, что Цу'ган тонко улыбается, испытывая удовольствие от устрашения стоящих перед ним людей.

- Так же сокрушительен как снаряд болтера или клинок, - говорил им старый Магистр Зен'ге, когда они были неофитами. Вот только Цу'ган

использовал подобную тактику слишком охотно; даже против союзников.

- Полковник Тенч мертв, - прямо заявил комиссар. -- Ему не хватало воли и целеустремленности, которые требуют от нас Император. Его

наследию щедрот и трусости пришел конец.

Штурмовики комиссара, как облаченные в черное охранники, после последнего замечания посмотрели на ближайших к их господину людей, подстрекая их обидеться на клевету в адрес бывшего командира.

Голос комиссара был усилен громкоговорителем и разносился по всему внутреннему двору, достигая каждого

присутствующего солдата.

Небольшая группа офицеров фаланги, оставшаяся от командного состава, стояла сбоку от комиссара, бросая суровые взгляды на остатки своих войск.

Это была воля Императора -- они не должны любить ее; они должны просто выполнять ее.

- И любой, кто думает иначе должен получить взглянуть на кровавые поля за Скалой Милосердия, поскольку такая судьба ждет его, если он будет

без отваги делать то, что необходимо. -- Комиссар сурово смотрел, провоцируя несогласие. Когда никто не выступил, он продолжил. -- Я

принимаю командование вместо покойного полковника. Вся артиллерия немедленно вернется на фронт.

- Пехоте сосредоточиться повзводно и быть готовой к развертыванию как можно скорее. Командиры секторов доложить мне в стратегиуме.

Фаланга мобилизуется ночью! -- Он подчеркнул последний пункт сжатым кулаком.

На несколько мгновений воцарилась тишина, затем из толпы раздался одинокий голос.

- Но сегодня Агская Ночь.

Подобно хищнику с возбужденными чувствами, котиссар повернулся, чтобы отыскать говорившего.

- Кто это сказал? -- спросил он, встав перед трибуной, с которой проповедовал. -- Покажи себя.

- В темноте есть нечто, нечто не из этого мира. Я видел их! -- Вокруг выглядевшего безутным солдата образовалось пространство, когда он обращался к остальным, излучая растущую истерию. -- Они забрали сержанта Харвера, забрали его! Призраки! Просто утащили его под землю...

Они ...

Грохотный хлопок котиссарского болт-пистолета остановил солдата на

полуслове. Кровь и кусочки мозга
забрызгали пехотинцев, стоящих ближе
всех к теперь уже обезглавленному телу.
Тишина вернулась.

Дак'ур напрягся от такого беспричинного
лишения жизни, и собрался выступить
вперед и высказать свою точку зрения,
когда предостерегающая
рука Нуриила остановила его.

Саламандр неохотно уступил.

- Эта болтовня о призраках и тенях,
преследующих по ночам непозволительна, -
постановил комиссар, пряча в кобуре все
еще дымящийся

пистолет. - Наши враги из плоти и крови.
Они захватили Афиум, и когда этот
город падет, мы откроем дорогу для
завоевания остального

континента. Лорд-губернатор этого мира
мертв, убитый людьми, которых он
доверял. Отделение от Империи
равносильно объявлению войны.

Этот мятеж будет подавлен и Ванорис
будет возвращен к свету имперского

единства. Теперь, подготовьтесь к битве.

Комиссар посмотрел вниз на обезглавленные останки мертвого солдата, лежащего ничком.

- ... и кто-нибудь уберите эти отбросы.

- Он деморализует этих людей, - прошипел Дак'ур, гнев ожесточил его тон.

Двое пехотинцев утащили тело мертвого солдата прочь. На его окровавленной куртке было имя - Восток.

- Это не наше дело, - тихо сказал Нуриил, его острый взгляд был прикован к комиссару, который направился к ним.

- Тем не менее, расположение духа довольно мрачное, брат-библиарий, - сказал Ба'кен, внимательно осматривая ряды солдат, когда они

разделились, построенные взводными сержантами.

- Их что-то пугает, - прорычал Цу'ган, хотя это было больше презрение к видимой слабости гвардейцев, чем беспокойство.

Нуриил шагнул вперед, чтобы поприветствовать комиссара, который

погошел к Саламанграм.

- Милорд Астартес, - произнес он с почтением, склонившись перед Нирилом.

- Я комиссар Лот, и если вы составите мне компанию с вашими

офицерами в стратегиуме, я проинформирую вас о тактической ситуации на Ванорисе.

Лот собрался уйти, решив отправить сообщение, что он, а не Ангелы Императора командует в Скале Милосердия, когда голос Нирила, резонируя пси-энергией, остановил его.

- В этом не будет необходимости, комиссар.

Лот не выглядел впечатленным, когда взглянул на библиария. Выражение его лица требовало пояснения, которое Нирил был очень рад предоставить.

- Мы знаем наши приказы и тактическую диспозицию в этой битве. Ослабьте щит, доставьте нас достаточно близко для развертывания отряда

проникновения в окрестности
генератории и ты сделаешь остальное.

- Я ... это, я хочу сказать, очень хорошо. Но
разве вам не нужно...

Пириил перебил его.

- Тем не менее, у меня есть вопросы. Этот
человек, солдат, которого вы казнили: что
он имел в виду под «призраками» и что
такое Агская Ночь?

Лот презрительно фыркнул.

- Суетерие и страхи, этим людям
слишком долго не хватало дисциплины. --
Комиссар собрался закончить, когда поза
Пириила подсказала, что он

должен продолжить. Лот неохотно
подчинился. - Слухи, доклады с последней
ночной атаки на отступников, о людях,
исчезнувших без следа под

землей и чудовищных существах,
рыскавших по полю битвы. Агская Ночь --
это самый глиняный ночной период в
календаре Ванорисе, это самая
глиняная ночь.

- Сегодняшняя ночь?

- Да. -- Лицо Лота нахмурилось. -- Это абсолютный идиотизм. Боязнь темноты? Ну, это просто падение морали людей этого полка.

- Бывший полковник, он предоставил вам эти ... доклады?

Лот невесело устехнулся.

- Да.

- И вы его расстреляли за это?

- Как обязывает мой долг, да, расстрелял.

- У Лота было лицо борца, плоское с широким, сломанным носом и шрамом, который пробежал от

верхней губы к линии волос, оттягивая уголок его рта в рычащее выражение. Узлы котиссарской фуражки выглядели маленькими рваными

уши. -- В темноте никто не прячется, кроме ложных кошмаров, которые живут в головах детей.

- Я прежде видел кошмары, ставшие реальностью, -- Пирвил взял предостерегающий тон.

- Значит, нам повезло с ангелами,

охраняющими нас. — Лот поправил свою фуражку и кожаный плащ. — Я ослабляю щит, будьте в этом уверены, есть коштары или нет.

— Тогда увидится в бою, комиссар, — сказал ему Нирил, прежде чем отвернуться и оставить Лота наслаждаться своим бессильным гневом.

— Ты действительно возразил ему, не так ли брат? — сказал Элек через несколько минут, слишком любопытный, что понять свою бестактность.

Они вернулись обратно в трясину. Вдалеке выдвигались на позиции боевые танки.

— У него зачерствевшее безразличие к человеческой жизни, — ответил Нирил. — И кроме того... его аура плоха. — Он позволил себе редкую

ухмылку на это замечание, прежде чем надеть боевой шлем.

Над головой зазубренная красная молния расколола небо, в котором клубились багровые облака. Высоко вверху, во внешней

атмосфере

Ванориса бұшевал варп-шторм. Он отбрасывал жуткий оттенок на пронизанной дождем темнотой поля боя.

- Агская Ночь, больше чем просто название, - сказал Ба'кен, глядя вверх на кровавое небо.

- Возможно зловещее предзнаменование? -- предположил Ягон, впервые заговорив с томенца высадки.

- Вечный пессимист, - заметил тихим голосом Ба'кен своему сержанту.

Но Дак'ур не слушал. Он смотрел на Нириила.

- Сформируйте боевые отделения, - сказал библиарий, осознав, что за ним наблюдают. -- Цу'ган, определи позиции.

Цу'ган ударил кулаком по нагруднику, и бросил последний хитрый взгляд на Дак'ура, прежде чем разделить свое отделение и отошел твердым шагом.

Дак'ур проигнорировал его, все еще сконцентрированный на Нирииле.

- Ты что-то чувствуешь, брат-библиарий?

Пирил рассматривал темноту вдаль, ничейную землю между бастионом и мерцающим краем далекого пустотного щита. Он словно пытался

уловить вспышку чего-то на границе досягаемости, на краю естественного зрения.

- Ничего.

Дак'ур медленно кивнул и отошел. Но он заметил ложь в словах библиария и задумался над тем, чтобы это могло значить.

Фальшивый гром расколол небо от звука тяжелых орудий в тылу имперской боевой линии. Был повис над полем грязи как саван, скрывая солдат

фаланги, наступающих сквозь него, но был быстро прижат к земле непрекращающимся дождем.

Они двигались взводами, капитаны и сержанты выкрикивали приказы под оборонительным огнем тяжёлых пушек и глухими звуками взрывов.

Расчеты тяжелого вооружения по двое
тянули снятые с передка орудия, в то
время как обычная пехота бежала рядом,
продвигаясь к огневым

позициям, выкопанным в пятистах
метрах от щита.

Яркие вспышки пробежались по
пустотному щиту от попаданий снарядов
далеких «Сотрясателей» и залпов
лазнушек и ракет, выпущенных

после того как их расчеты выдвинулись к
рубежу атаки.

Посреди всего этого находились
Саламандры, притаившиеся в укрытии на
краю рубежа боевыми подразделениями по
пять человек.

Библиарий Нуриил присоединился к
отряду Дак'ира, доведя его численность до
шести воинов. В свете вспышек взрывов и
красного неба над

головой, его синий доспех превратился в
огненно-пурпуровый. Он обозначал его
звание библиария, как и загадочные
атрибуты.

- Наша цель близка, братья. Там...
Нуриил указал на громаду здания
генераториума в нескольких тысячах
метров. Только костодесантники с
их имплантатами оккулобов облагали
усиленной зрительной способностью
увидеть и опознать его. Здание защищали
тяжелые войска, засевшие в блиндажах,
позади траншей и укрепленных позиций.
Среди тьмы и дождя даже для
сверхчеловеческих чувств Астартес они
были

просто тенями и дульными вспышками.

- Мы должны предпринять обходной
маневр, с восточной и западной полусфер
щита, - начал Дак'ур. -- Там
сопротивление будет самым слабым.

Для нас было бы лучше воспользоваться
этим.

После того как Цу'ган обеспечил подход,
Саламангры скрытно выдвинулись на
рубеж атаки в пятистах метрах от цели.
Затем начался имперский
артиллерийский обстрел.

Космогосантники расположились на самолетах на краю рубежа -- две группы на востоке, две -- на западе, рассчитывая нанести сокрушительный удар в сердце мятежников и уничтожить генератории, питающие энергией пустотный щит, прежде чем будет оказано серьезное сопротивление.

- Брат Пуриил? -- повторил Дак'ур, когда ответ не пришел.

Библиарий взглядывался в галекный пустотный щит, энергетические всплески появлялись на его поверхности, чтобы рассеяться через несколько секунд.

- Что-то в этом щите... Аномалия в его энергетической сигнатуре... - прошептал он. Его глаза светились лазурным светом.

В этот раз Дак'ур ничего не почувствовал, только желание действовать.

- Что это?

- Я не знаю... - Психический огонь в глазах библиария потух. -- Обходная атака; одна

главная, одна второстепенная. Восток и запад, - сообщил он.

Дак'ур кивнул, но его не покидало ноющее чувство, что Нуриил не все им сказал. Он открыл канал связи с остальными боевыми подразделениями.

- Выдвигается, братья. Атакующее построение - "змеёйкой". Брат Анион, ты - огневая поддержка. Мы нанесем главный удар. Брат Цу'ган...

- Мы готовы, изнеец, - пришел резкий ответ прежде чем Дак'ур закончил. -- Направление атаки установлено, я наношу главный удар по западной полусфере. Цу'ган отбой.

Связь резко отключилась. Дак'ур выругался про себя.

Вынув плазменный пистолет и цепной меч, проведя пальцем по лезвию клинка и пробормотав литанию Вулкану, Дак'ур поднялся на ноги.

- Рожденные в Огне, вперед за мной.

Этек встал первым, призывая их

остановиться, прежде чем они выступят.
Он приложил палец к своему боевому
шлему.

- Я принимаю какую-то безумную
болтовню от частей фаланги. -- Он
остановился, внимательно прислушиваясь.
-- С несколькими командными
частями второго звена утрачена связь. --
Затем он поднял голову. За время этой
содержательной паузы Дак'ур понял, что
будет дальше.

- Они говорят, что их атакуют ...
призраки, - сказал Этек.

- Подключи ко всем рациям, брат. Каждого
боевого отделения.

Этек выполнил приказ, и боевой шлем
Дак'ура, как и остальных братьев,
наполнился обрывочными докладами от
командиров фаланги.

- ...ержант мертв. Отступает ко второй
линии...

- ... вокруг нас! Трон Земли, я не вижу цели,
я не вижу...

- ... ерты, все. Они среди нас! О, черт, о,

Император сна...

Эти доклады прерывались спорадической стрельбой и глухими криками. Некоторые подразделения пытались восстановить порядок. В резких

приказах сержантов и капитанов звучало отчаяние, словно они пытались перегруппироваться перед лицом внезапной атаки.

Периодически врывался голос комиссара Лота, его ответы были резкими и злыми. Они должны держаться, а затем наступать. Император не

допустит трусости перед лицом врага. Выстрелы его болт-пистолета завершали каждый приказ, наводя на мысль об очередных казнях.

Повсюду воздух наполнился звоном колоколов.

- Я не видел часовни или базилики в бастионе фаланги, - сказал Ба'кен. Он медленно окинул взглядом окрестности, нводя по сторонам тяжелым огнеметом.

- Матежники? -- предположил брат Ротул.

- Как ты объяснишь то, что звон повсюду?

- спросил Нирил, его глаза снова вспыхнули. Он рассматривал кроваво-красные облака, которые

наводили на мысль о бущущем над ними варп-шторме. -- Это неестественный феномен. Мы имеем дело с чем-то большим, чем отступниками.

Дак'ур выругался про себя; он принял решение.

- Призраки или нет, мы не можем оставить фалангу на избиение. -- Он переключил рацию в своем боевом шлеме на передачу.

- Всем подразделениям перегруппироваться и направиться на командные позиции фаланги.

Брат Анион быстро подтвердил, так же как и вторая боевая группа под командованием брата Лазаря. Цугану понадобилось чуть больше времени

на согласие. Он явно не был впечатлен, но

видел необходимость спасти гвардейцев
от того, что на них напало. Без огневой
поддержки тяжелых

орудий Саламандры были очень уязвимы
перед артиллерией сепаратистов, а с
боеспособным щитом не имели шансов на
успех операции.

- Понятно. -- Затем Цу'ган отключил
связь.

Сквозь ливень двигались силуэты.
Лазерные выстрелы с шипением вылетали
с имперских позиций, обнаруживая солдат
фаланги, стреляющих в
невидимого врага.

Большинство бежало. Даже «Василиски»
начали отступать. Комиссар Лот,
несмотря на все его рвение и обещанную
кару не мог предотвратить
это.

Фаланга спасалась бегством. -- Есть
контакты с врагом?

Дак'ур шел через болото, опустив
пистолет, ценной меч молчал, но был
наготове. Он был ядром рассредоточенного

боевого порядка, Пириил

слева от него, а двое боевых братьев
справа.

Впереди он увидел грубое боевое
отделение во главе с Анионом --
вспомогательную группу проникновения. Он
также рассредоточил своих
воинов, и они обслеговали каждый метр
поля в поисках врагов.

- Отрицательно, - последовал краткий
ответ от Лазаря, приближающегося с
запада.

Артиллерийский обстрел с укрепленных
траншеями позиций мятежников
продолжался вместе с сильным дождем.
Огромный столб влажной

земли и растерзанных тел поднялся в
воздух в нескольких метрах от
продвигающегося отделения Дак'ира.

- Пириил, есть что-нибудь?

Библиарий покачал головой,
сосредоточенный на своих
сверхъестественных инстинктах, но не
находя смысла в том, что он видел или

чувствовал.

Прерывистые вопли в ушах Дак'ура продолжались, звон колоколов добавлял зловеющий хор к стрельбе и крикам. Фаланга была на грани

панического бегства, заведенная слишком далеко комиссаром, который не понимал или не беспокоился о природе врага, с которыми они

столкнулись. Единственным ответом Лота была угроза смерти, чтобы воодушевить людей под своим командованием. Рядом раздавались

выстрелы из болт-пистолет имперского офицера. Дак'ур заметил предательскую дугльную вспышку оружия периферийным зрением.

Лот стрелял по теням и поражал в процессе своих собственных людей — тех, кто бежал и тех, кто удерживал позиции.

- Я разберусь с ним, - пообещал Пуриил, без предупреждения выйдя из психического транса и отделившись от отряда, чтобы перехватить

котиссара.

Рядом разорвался очередной снаряд, осыпав Саламандр осколками. Избавившись от обстрела «Сотрясателей», мятежники использовали свои

орудия для истребления имперцев. Трассирующий огонь с позиций орудий большого калибра присоединился к бою, которую устроили

стрельба и то, что их преследовало среди грязи и дождя.

- Это разведчики, - резкий голос Цу'гана стал еще жестче, когда раздался по радиосвязи. - Может быть пятьдесят человек, разбитые на маленькие

группы и действующие в камуфляже. Люди легко пугаются. Мы найдем их. Рожденные в Огне, и уничтожим угрозу.

- Как ты можешь быть...

Дак'ир остановился, когда уловил какой-то проблеск, впереди справа.

- Ты видел это? - спросил он Ба'кена.

Гигантский солдат шел за ним, вода по сторонам тяжелым огнеметом.

- Целей нет, - ответил Ба'кен. - Что это было, брат?

- Не уверен... - Это выглядело как колыхание... белых мантий, слегка дрожащих, но против ветра. Воздух вдруг стал пахнуть сыростью и старостью.

- Узнеец! - вызвал Цу'ган.

- Это не разведчики, - решительно ответил Дак'ур. В рации вспыхнули помехи прежде, чем голос второго сержанта ответил. - Ты не можешь быть уверен в этом.

- Я знаю это, брат. - В этот раз Дак'ур прервал связь. Вначале оно ускользнуло от него, но теперь он чувствовал...присутствие, за пределами тьмы поля смерти. Оно было недовольно.

- Смотрите в оба, - предупредил он свое отделение. Когда зазвонили колокола, полувидимый образ на границе его разума и страд стал слишком реальными.

Впереди Дак'ур разглядел форму офицера

фаланги, капитана согласно его
метлицам и форме. Саламандры
направились к нему, надеясь
объединить силы и организовать
контратаку. При условии, что осталось
достаточно солдат, чтобы внести
перелом.

Комиссар Лот был в бешенстве.

- Держать позицию! -- визжал он. --
Императору нужна ваша отвага! -- Болт-
пистолет прогрел и еще один солдат
упал, продырявленный и
истекающий кровью.

- Вперед, будьте вы прокляты! Наступать
за Его великую славу и славу Империи!
Еще один фалангист умер, в этот раз
сержант, который собирал своих людей.

Пирил поспешил к нему с обнаженным
силовым мечом. Другая рука была
свободна. В темноте и падающем дожде
он увидел ... призраков.

Они были бело-серыми и расплывались. Их
движения были нескладными, как будто
каждое движение не синхронизированными с

реальностью, нематериальные сущности прорывали ткань физического бытия.

Лот тоже увидел их, и страх перед этим, чем бы оно ни было, отразился на его лице борца.

- Аве Император. Клянусь светом Императора, я не испугаюсь зла, - заявил он, прибегая к катехизису отбращения и защиты, которому научился в

Схола Прогениум. -- Аве Император. Моя душа свободна от порчи. Хаос никогда не заберет ее пока Он -- мой щит.

Призраки приближались, входя в реальность и выходя из нее, как плохая пикт-запись. Поворачиваясь вправо и влево, Лот стрелял в

нападающих, пули проходили сквозь них или совсем мимо, вместо этого поражая бегущих пехотинцев фаланги.

С каждым проявлением призраки подбирались все ближе.

Пуриил был всего в нескольких метрах, когда один из них появился перед ним. Выстрел Лота пробил насквозь наплечник

Салатандра и рұна

повреждения вспыхнула на тактическом
дисплее внутри боевого шлема библиария.

- Аве Умн... - Слишком поздно. Призрак
добрался до комиссара Лота. Тот едва
прохрипел слова - О, Бог-Император..., -
когда пылающая стена

психического огня выплеснулась из
вытянутой ладони Нуриила, накрыв
призрака и изгнав его из видимости.

Лот поднял пистолет к губам, вставив
все еще горячий ствол себе в рот, так как
его разум лишился самообладания от
увиденного.

Нуриил добрался до него вовремя, выбив
пистолет прежде, чем комиссар без долгих
рассуждений смог казнить самого себя.

Урония произошедшего не ускользнула от
библиария, поскольку болтерный снаряд
прошел мимо. Все еще испуская языки
пламени, Нуриил

приложил два пальца к брови Лота,
который тут же рухнул на землю и затих.

- Он будет без сознания несколько часов.

Отнесите его в бастион, - приказал он одному из спутников комиссара.

Все еще грожащий помощник кивнул, позвал на помощь и вместе с штурмовиками потащил Лота прочь.

- И он ничего не будет помнить об этом и Ванорисе, - добавил Нуриил про себя.

Почувствовав его силу, призраки, которых видел Нуриил, отступили. Что-то еще покалывало в его чувствах, что-то далекое в пустоши, вдали от

места главного сражения. Для изучения не было ни времени, ни возможности.

Теперь Нуриил знал природу врага, с которыми они столкнулись. Он также знал, что против этого нет защиты, которую его братья могли

организовать. Костодесантники были исключительными воинами, но им нужны были враги из плоти и крови. Они не могли сражаться с

туманом и тенью.

Большая часть армии Фаланги бежала. Но Нуриил ничего не мог с этим

пожелать. Как не мог он спасти тех, кого
поглощала земля, хотя угроза
призраков снова стала реальной.

Вместо этого, он включил канал связи с
Дак'уром. Все это время звонили колокола.

- Вся армия разбита, - пояснил капитан.
Он немного охрип от выкрикивания
команд, но сплотил те взводы, что были
рядом в какое-то подобие
порядка. -- Капитан...

- Мангейм, - добавил офицер.

- Капитан Мангейм, что здесь случилось?

Что охотится на ваших людей? -- спросил

Дак'ур. Дождь снова забарабанил, и капли
быстро отскакивал

от пластин. Со всех сторон грохотали
взрывы.

- Я никогда не видел ничего подобного,
тилорг, - признался Мангейм, вздрогнув от
вспышки зажигательного снаряда
в близости, - солдаты

фаланги просто исчезали. Сначала я
подумал о вражеских коммандос, но наши
биосканеры были чисты. Инфракрасные

показатели исходили

только от наших людей.

Возможно, оборудование было неисправно, но это по-прежнему бросало сомнение на теорию Цу'гана о разведчиках.

Дак'ур повернулся к Эменку, который нес аусник отделения. Саламандр покачал головой. Также ничего не исходило от тяжёлых позиций позади щита.

- Могли они уже быть здесь? Замаскировать свои тепловые следы? - спросил Ба'кен по закрытому каналу.

Мангейма увел его вокс-офицер. Быстро извинившись, он отвернулся и прижал к уху трубку приёмника, напрягая слух из-за дождя и грома.

- Невозможно, - ответил Дак'ур. - Мы бы их увидели.

- Тогда что?

Дак'ур покачал головой, дождь полил стеной.

- Милорд... - Это снова был Мангейм. - Я потерял контакт с лейтенантом

Банхоффом. Мы координируем тактическое объединение частей для начала нового штурма. Сила в численности.

Это была редкая концепция на Ноктюрне, где уверенность в своих силах и изоляционизм были основными принципами.

- Где? -- спросил Дак'ир.

Мангейм указал вперед. -- Лейтенант был частью нашего авангарда, занимая более выдвинутую позицию. Его люди уже добрались до рубежа

атаки, когда на нас напали.

Там, куда капитан показывал дрожащим пальцем пробежались взрывы. Они были храбрыми людьми, но их решимость была на грани. Лот и его

кровавые драконовые теры, почти довели их до предела.

Трудно было представить большое количество выживших при таком обстреле, как и то, что кто-то сражается там...

- Если лейтенант Ванхофф жив, мы
вытащим его и солдат, - пообещал Дак'ур.
Он почти сразу отбросил мысли о
контратаке. Фаланга была в

смятении. Отступление было
единственным разумным вариантом
сберечь возможность на последующий
штурм. Хотя это шло вразрез с его

Прометеевским кодексом, с самими
идеями выносливости и стойкости,
которыми гордились Саламангры, у
Дак'ура не было выбора, кроме как
спириться с ситуацией.

- Отступайте со своими людьми,
капитан. Соберите как можно больше в
бастиионе. Сообщите другим офицерам, с
кем сможете связаться, что

имперские силы отступают по всему
фронту.

Капитан Мангейм сделал жест, чтобы
возразить.

- Полное отступление, капитан. --
подтвердил Дак'ур. -- Ни одна победа не
поддерживалась благодаря безрассудным

жертвам, - добавил он, цитируя
один из Принципов прагматизма Зен'ге.
Офицер фаланги отдал честь, и начал
отводить своих людей назад. Приказы уже
передавались по воксу другим взводам
армии.

- Мы не знаем, что там, Дак'ур, -
предупредил Ба'кен, когда они побежали в
направлении Банхоффа. Несмотря на
расстояние, силуэты отряда
лейтенанта были видны. Их лазерный
огонь вспыхнул яростными разрывами.

- Значит, мы готовы ко всему, - трачно
ответил сержант и двинулся вперед по
перепаханной земле.

Люди Банхоффа сформировали спинами
друг к другу оборонительный периметр. В
центре стоял выкрикивающий приказы
лейтенант. Они явно

вздохнули с облегчением, когда увидели
идущих им на помощь Ангелов
Императора.

Саламандры были всего в нескольких
метрах от них, когда что-то

промелькнуло возле круга лазганов, и один из людей просто исчез. В одно мгновение он был там, а в следующее ... пропал.

Вспыхнула паника и порядок, отлично установленный Банхоффом, грозил развалиться. Солдаты думали о бегстве, а не о битве с призраками, которые они едва могли видеть, не говоря уже о том, чтобы убить их.

Второй солдат последовал за первым, очередное белое мелькание сигнализировало о его смерти. В этот раз Дак'ир увидел, что произошло с человеком. Словно земля разверзлась и проглотила его целиком. За исключением того, что солдат не упал и не был засосан болотом, его

утащили. Страшные руки с пальцами, похожими на когти схватили несчастного у плюг за лодыжки и утащили вниз.

Несмотря на усилия Банхоффа решимость его взвоя рухнула и они побежали. Еще несколько погибли пока

бежали, разделив ужасную судьбу
других, утянутых в мгновение ока.
Лейтенант бежал вместе с ними, пытаясь
обратить беспорядочное бегство в
организованное отступление, но
тщетно.

Ободренные страхом солдат, охотящиеся
на фалангу существа появились, и
Саламандры впервые увидели их ясно.

- Они -- демоны? -- бросил Этек, наводя
болтер.

Они выглядели скорее как оборванцы,
закутанные в гнилые стихари и робы.
Разорванные ткани колыхались подобно
щупальцам какого-то

нематериального кальмара. Их глаза
были пустыми и черными, они были
костлявыми и выглядели как священники.

Когда-то они могли быть священниками,
теперь они были дьяволами.

- Давайте посмотрим могут ли они
гореть, - прорычал Ба'кен, выпуская поток
прометия из своего тяжелого огнететра.
Призраки рассеялись в свете

жидкого пламени, но вернулись сразу же, как огонь погас, абсолютно невредимые.

Он собрался снова залить их огнем, когда они исчезли как туман на его глазах.

Прошла секунда или две, прежде чем огромный Рожденный в Огне повернулся к своему сержанту и пожал плечами.

- Я сражался с более крепкими врагами... - начал он, после чего закричал, когда его нога погрузилась в землю.

- Во имя Вулкана! -- выругался Этек, едва веря своим глазам.

- Держи его! -- заревел Дак'ур, увидев белые когти, пойтавшие ноги Ба'кена и лодыжки. Братья Ромул и Г'хеб бросились на помощь своему

товарищу Саламандру, схватив Ба'кена под руки. Несколько мгновений они противостояли силе призраков.

- Отпустите, вы разорвете меня пополам, -- заорал Ба'кен, наполовину от гнева, наполовину от боли.

- Держись, брат, - сказал ему Дак'ур. Он собрался вызвать подкрепления, заметив

руну контакта Нуриила на своем
тактическом дисплее, когда

призрак материализовался перед ним.
Это был старый проповедник, его серое
лицо было покрыто морщинами старости
и злобы, агрессивный

свет озарял глазные впадины. Его рот
проартикулировал слова, которые Дак'ур
не смог понять и он поднял обвиняющий
палец.

- Отпусти его, адская тварь! -- Дак'ур
ударил ценным мечом, но проповедник
пропал из бытия и клинок прошел
безрезультатно, вонзившись в

мягкую землю под ним. Дак'ур поднял
плазменный пистолет для выстрела, и в
этот момент ужасный, парализующий
холод наполнил его тело.

Ледяной огонь хлынул в него, когда его
кровь заторозило что-то старое и
мстительное. Он похитил дыхание из его
легких и восплатенил их, словно
костодесантник нырнул обнаженным в
арктическую реку. Дак'уру понадобилось
несколько мгновений понять, что

закрюченные пальцы

проповедника пронзили его броню. Проникнув за защиту керамики, сделанной из обычной надежной брони его силового доспеха, ногти серого

проповедника нащупывали жизненные органы в своем поиске возмездия.

Попытавшись закричать, Дак'ир обнаружил, что его глотка затерзана, язык налился свинцом от прозрачного напавшего. Про себя он повторял

слова Прометеевского знания, удерживающего его от падения в полную тьму.

Огонь Вулкана бьется в моей груди. С ним я уничтожу врагов Императора.

В его грохочущих сердцах барабанило сильное давление, сжатая, сжатая...

Чувства Дак'ира пылали и запах влажной и старой древесины проник сквозь его боевой шлем.

Затем яркое пламя охватило его и давление ослабло. Холод исчез, растопленный успокоительным теплом, и

когда его потухшее зрение
восстановилось Дак'ур увидел Пуриила,
стоявшего посреди столба огня. В стороне
Ба'кена освободили из земли, схватившей
его. Кто-то еще

поднимал Дак'ура. Он почувствовал, как
сильные руки подхватили его и потащили.
И только, когда его тело стало невесомым
и легким, он

понял, что должно быть погиб.
Полубессознательно Дак'ур узнал
удаляющийся голос, обращенный к нему.

- Снова вытаскиваю твое тело из огня,
изгнеец...

Затем тьма поглотила его.

Стратегиум располагался в старой
траншейной бастии, пахнущей табаком и
затхлым потом. На вид прочная барная
стойка использовалась в

качестве тактикариума и была завалена
промасленными географическими
картами и инфопаншетами. Сводчатый
потолок протекал, и офицеры
с помощниками постоянно вытирали

капли воды с лежащих на столе разных свитков и пиктов. У стен умеренных размеров комнаты шептались

клерки и логисты Департамента Мониторинг, подсчитывая людей и технику своими стило и обмениваясь мрачными взглядами друг с другом, когда считали, что гвардейцы не смотрят на них.

Не было секрета, что они потеряли много солдат в последней операции по разрушению щита. Усложняло ситуацию снижение количества

боеприпасов для крупнокалиберных орудий до уровня «нецелесообразности ведения кампании». Прошел почти час с провального штурма, а

имперские силы не продвинулись ни на шаг в составлении боевого плана.

Библиарий Нуриил изучил тактические данные перед собой и не увидел ничего нового, чтобы облегчило их тяжелейшее положение. Но крайней

мере, призраки отказались от

преследования, когда вошли на территорию Скалы Милосердия, хотя потребовалось немало психического мастерства эпистолярия, чтобы отбросить их и сделать возможным отступление.

- Что они такое, брат? - спросил Цу'ган тихим голосом, пытаясь не привлекать внимание офицеров Гвардии и квартирмейстера, присоединившегося к ним. Цу'ган знал, что о некоторых вещах людям лучше оставаться в неведении. Они могут быть слабохарактерными, и наверняка восприимчивы к страху. Под защитой человечества подразумевалось не только применение болтера и клинка; это также означало

защищать их от ужасающих истин галактики, чтобы они не сломали их.

- Я не уверен. - Пурил бросил взгляд вверх, пронзив своим колдовским зрением балки и рокрит, словно паутину, и воспарив в трак ночи, где небосвод был пронизан кроваво-красным

цветом. -- Но полагаю варп-шторм и призраки связаны.

- Рабы Хаоса? -- Слово оставило горький привкус, и Цү'ган сплюнул.

- Возможно, потерянные и проклятые, -- задумчиво сказал библиарий. -- Хотя не слуги Губительных Сил. Думаю они... варп-эхо; души, попавшие

в ловушку между эмпиреями и смертным миром. Красный шторм истончил вуаль реальности. Я чувствую, как эхо протискиваются. Только не

знаю почему. Но пока продолжается шторм, пока тянется Агская Ночь, они будут здесь.

Всего в нескольких метрах, не обращая внимания на Саламандр, офицеры Гвардии держали свой собственный военный совет.

- Очевидно, что ты не можешь позволить себе длительную осаду, -- заявил капитан Мангейм. С казнью Тенча и выходом из строя комиссара, Мангейм стал старшим офицером по званию в фаланге. Его рукава были закатаны, а фуражку он положил на

тактикариум, изучая карты.

- Возможно, у нас хватит боеприпасов еще на один продолжительный обстрел пустотного щита. -- Квартирмейстер изучал инвентарные

протоколы, советник Департамента Муниторум снабдил его инфопланишетами со свежей информацией, которую он мысленно заполнил и

вернул их, пока говорил. -- После этого у нас не останется ничего, что сможет разрушить его.

Заговорил другой офицер -- младший лейтенант. Его куртка была расстегнута, и внизу его рубашки образовалось безобразное темное пятно пота кинжаловидной формы.

- Даже если мы справимся, есть ли надежда, пока эти твари обитают во тьме?

Заштопанный на скорую руку капрал с перевязанным левым глазом вышел вперед.

- Я не поведу снова мой взвод на бойню. Отступники водятся с демонами. У нас

Нет защиты против них.

Страх. Да, люди слишком слабы для некоторых истин, презрительно устехнулся Цу'ган.

Младший лейтенант, нахмурясь, обернулся, чтобы посмотреть на Саламандр, которые стояли в полумраке в конце комнаты.

- А что Ангелы Императора? Разве вас не прислали помочь нам закончить осаду? Разве эти враги -- призраки во тьме -- не союзники с нашими

безликими противниками в Афиуме? Мы не сможем овладеть городом, если вы не избавите нас от демонов.

Обжигающий гнев вспыхнул в глазах Цу'гана и офицер сдержался. Саламандра зарычал, сжал кулак в ответ на дерзость человека.

Предупреждающий взгляд Нуриила заставил его брата отступить.

- Они не демоны, - заявил Нуриил, - а варвары. Отголосок прошлого, цепляющийся за наше настоящее.

- Демоны, эхо, какая разница? -- спросил Мангейм. -- Нас все равно убивают, и нет возможности отомстить. Если мы даже сможем изгнать эти...

эхо, - поправился он, - мы не можем сражаться и с ними, и с пустотными щитом. Все просто, милорд. Мы ведём войну на истощение, которую наши изнурённые войска не могут выиграть.

Цу'ган шагнул вперед, не в состоянии больше сдерживаться.

- Вы -- слуги Императора! -- с яростью напал он на Мангейма. -- И вы сделаете свою работу, безнадежную или нет, ради славы Его на Земле.

Несколько офицеров осенили себя знаменем аквилы, но Мангейм не испугался.

- Я взойду на жертвенный алтарь войны, если понадобится, но я не сделаю это вслепую. Вы поведете своих людей на верную смерть, зная, что этим ничего не добьетесь?

Цу'ган нахтурился. Неразборчиво
проворчав, он повернулся на каблучках и
вышел из стратегиума.

Нириил поднял брови.

- Простите моего брата, - сказал он
совету. -- В Цу'гане горит огонь Ноктюрна.
Он становится нервным, если не может
кого-нибудь убить.

- И в этом проблема, не так ли? -- спросил
капитан Мангейм. -- Причина, по которой
ваш брат-сержант расстроен. За
исключением вас, библиарий, у ваших
Астартес нет оружия против этих эхо. Со
всей их силой рук, их умением и отвагой,
они бессильны против них.

Утверждение повисло, как гатоклов меч
над всеми их надеждами.

- Да, - прошептал Нириил.

Молчаливое неверие на время заполнило
комнату, пока офицеры пытались
осмыслить весь ужас своего положения на
Ванорисе.

- В фаланге нет санкционированных
псайкеров, - наконец сказал младший

лейтенант. -- Может один человек, даже Астартес, повернуть ход войны?

- Он не может! -- согласился капрал. -- Нам нужно немедленно подать сигнал лендерат. Попросить подкреплений, -- предложил он.

- Сюда никто не придет, -- проворчал Мангейм. -- Пока Афиум не захвачен, лендеры не войдут в пространство Ванориса. Мы предоставлены сами себе.

- Мой брат прав в одном, -- произнес Пуриил, его голос прервал поднявшийся шум. -- Ваш долг -- в Императоре. Доверьтесь нам, и мы добудем победу, -- пообещал он.

- Но как, милорд? -- спросил Мангейм.

Взгляд Пуриила был пронизывающим.

- Психика -- анафема для варп-эха. Со своей силой я смогу защитить ваших людей, соорудив психоцит. Призраки, как вы называете их, не смогут

пройти сквозь него. Если мы сможем

поговорить к пустотному щиты
достаточно близко, много ближе
первоначальной линии штурма, и пробить
его, мои братья прорвутся и разобьют
ваших врагов. Вначале выведет из строя
генераторию, щит падет и вместе с ним
сопротивление Афиума, как только ваши
дальнобойные орудия обстреляют их.

Младший лейтенант устехнулся, слегка
скептически.

- Милорд, я не сомневаюсь в талантах
Астартес, и в вашем мастерстве, но вы
действительно сможете поддерживать
щит достаточных размеров и
продолжительности, чтобы этот план
сработал?

Библиарий тонко улыбнулся.

- Я был хорошо обучен моим магистром
Вель'коной. Мои возможности, как
библиария в ранге эпископия очень
велики, лейтенант, - сказал он
без гордости. - Я могу сделать то, что
должно.

Мангейм кивнул, хотя его решимость

была с притесью фатализма.

- Тогда у вас есть моя полная поддержка и помощь 135-й фаланги, - сказал он. - Скажите, что вам нужно, милорд, и вы это получите.

- Отважные сердца и стальная решимость - это все, что я прошу, капитан. Это все, о чем вас всегда будет просить Император.

Цу'ган проверил обойму своего колбита болтера и безопасность канистры прометия в огнемете оружия.

- Это бессмысленно, ведь мы даже не можем убить наших врагов, - прорычал он.

Воинственный сержант присоединился к своим братьям у входа в Скалу Милосердия, во внутреннем дворе перед главными воротами бастиона.

Позади них готовились взводы фаланги. На транспортных площадках «Василиски» выкатывались на позицию. Предвкушение наполнило воздух

как электрический заряд.

Отсутствовали только два Саламандра, и один из них спешил присоединиться к

нит, пробираясь через толпившихся
звардейцев. Он вышел из
временного лазарета, расположенного в
подземельях бастиона.

- Как он, брат? - спросил Эмен,
передергивая затвор болтера.

- Все еще без сознания, - сказал Ба'кен. Он
бросил свой тяжелый огнемёт и нес
болтер, как и большинство его боевых
братьев. Дак'ир не

выздоровел после атаки призрака, и
поэтому, несмотря на протесты Ба'кена,
Нирил фактически назначил его
сержантом.

- Я хочу, чтобы он был с нами, -
пробормотал он.

- Мы все хотим, брат, - сказал Нирил.
Заметив нотку беспокойства, он спросил,
ты о чем-то думаешь, Ба'кен?

Вопрос повис в воздухе как невыпущенный
болтерный снаряд, прежде чем огромный
солдат ответил.

- Я слышал брата-сержанта Цу'гана по
радиосвязи. С этими существами можно

сражаться, брат? Или мы просто отвлекаем их от Гвардии?

- Я видел, как клинок изнейца прошел прямо сквозь одного, - тихо сказал Цу'ган. -- И все же другие схватили Ба'кена, твердые и прочные, как стыковочный коготь.

Этек поднял глаза от аусника.

- Перед атакой они материализовались, стали плотью, - сказал он. -- Хотя эта плоть из железа с хваткой силового кулака.

- Я тоже это заметил, - ответил Пуриил. -- Ты очень внимателен, брат.

Этек скромно кивнул, после чего библиарий обрисовал свою стратегию.

- Наши силы будут растянуты по всему фронту, четыре боевых отделения как прежде. Я могу растянуть свою психическую силу, чтобы окружить всю боевую линию фаланги, но кордон будет сравнительно тонким, и некоторые призраки могут прорваться. Примите оборонительное

построение и ждите их, а потом атакуйте. Но знайте: лучшее, на что мы можем надеяться -- отбросить их. Только я обладаю мастерством изгонять тварей в варп, а это будет невозможно, пока я поддерживаю психический щит.

- Тогда ты не сможешь сражаться, брат-библиарий, - сказал Ба'кен.

Пирил повернулся к нему, и в его тихом голосе была недосказанность. -- Нет, я буду временно уязвим.

Так что вам, братья, необходимо быть моим щитом.

Операция была такой же сложной, как и погода. Капитан Маннгейм был прав, когда сказал в стратегиуме: со всей силой их рук, мастерством и

отвагой, они были бессильны против призраков. Почти.

Пирил обратился к группе. - Рожденные в Огне, проверьте дисплеи шлемов для обновления характеристик и целей операции.

Серия «подтверждений» ответила на

приказ.

- Переключиться на тактическую схему, - добавил Цу'ган. Поток данных о временных кодах, дистанции и расположении войск наполнил его

левую оккүлоб-линзу. Он повернулся к Нуриилу сразу же, как открылись главные ворота Скалы Милосердия. - Надеюсь, ты сможешь сделать то, что обещал, Библиарий, иначе мы все покойники.

Взгляд Нуриила был устремлен вперед, когда он надел шлем.

- Варп-шторм непредсказуем, но он также усиливает мои собственные силы, - сказал он. - Я смогу удерживать щит достаточно долго.

По закрытому каналу он связался с одним Цу'ганом.

- Мой психический датчик будет слаб, - предупредил он. - Если в какой-нибудь момент я уступлю, ты знаешь, что надо сделать.

- Если я буду одержим демонами варпа, - легко прочел Цу'ган между словами

библиария.

Субвокальное «согласие» вспыхнуло иконкой на дисплее Нуриила.

- Брат Этек, брат Ягон? -- обратился библиарий, когда ворота широко распахнулись. Отверстие в стене принес хлещущий дождь и зловоние смерти.

Этек и Ягон проверили перекрывающиеся показания сканирования на своих аусниках, выстатривая варп-активность в полутраке поля боя.

- Отрицательно, брат, - ответил Этек. Ягон кивнул, соглашаясь.

Путь, по крайней мере, сейчас был чист.

Несмотря на дождь, необычная тишина стояла во тьме Агской Ночи. Она была кровавой и разгневанной. И она ждала их. Нуриила снова

привлек галеккий участок пустоши.

Сразу за моей досягаемостью...

- В огонь битвы... - затанул он и повел Саламандр наружу.

Дак'ур проснулся, вздрогнул и утылся

холодным потом. Он остро почувствовал
свои бьющиеся сердца и частую пульсацию
в черепе.

Сбивающие с толку видения постепенно
исчезали из его подсознания... Пепельный
мир, гробницы и мавзолеи обрамляли
глиннкую, серую

дорогу... Запах пылающей плоти и
могильный прах... Полужабытые крики
брата от боли...

... Становясь единым с криками многих,
среди тьмы и поля грязи... Прикосновение
дождя, холод на коже... и звон колокола...
Мы здесь...

- Мы здесь...

Первое было старым сном. Он видел его
много раз. Но теперь новые образы
присоединились к нему, и Дак'ур знал, что
они пришли с Ванориса.

Он пытался задержаться на них, видениях
и чувственных воспоминаниях, но это было
равносильно попытке схватить дым.

С истончением нереального, реальное
становилось прочным и Дак'ур понял, что

лежит на спине. Проволочный матрац и
грубые простыни

поддерживали его. Койка заскрипела, когда
он попытался пошевелиться. Саламандр
это сделал из-за уколов боли, пронзивших
его тело. Он

поторщился и лег, восстанавливая в уме
недавнее прошлое. К нему вернулось
нападение призрачного проповедника.
Всплывший в памяти холод
вызвал у него дрожь.

- Вам изрядно досталось, - сказал голос из
теней. Неожиданный звук показал, какой
тихой была глухая канонада тяжелой
артиллерии - всего

лишь слабым постукиванием в стенах. -- Я
не стал бы двигаться так быстро, -
посоветовал голос.

- Кто ты? -- прохрипел Дак'ур, поначалу
сухость в гортани удивила его.

Пронзительный скрип раздался у черепа
Саламандра, когда сидящий в инвалидном
кресле офицер фаланги выкатился на
обозрение.

- Банхофф, милорд, - сказал он. - Вы и ваши Астартес пытались спасти моих людей на поле смерти, и я благодарен вам за это.

- Это мой долг, - ответил Дак'ур, все еще плохо соображая. Ему удалось сесть, несмотря на страшную боль в ранах и онемения, оставшиеся после

того как проповедник разжал свою смертельную хватку. У Дак'ура на время перехватило дыхание.

- Лейтенант Банхофф? - сказал он, припоминая; на его лице отразилось недоверие, когда он увидел инвалидное кресло.

- Меня достал взрыв снаряда, - добавил офицер. - Взвод нес меня остаток пути. Тем не менее, меня также сняли с передовой.

Дак'ур почувствовал укол сожаления к лейтенанту, когда увидел разбитую гордость в его глазах.

- Я один? Мои братья пошли в битву без меня? - спросил Дак'ур.

- Они сказали, что вы слишком серьезно ранены. Приказали нам следить за вами, пока они не вернутся.

- Мой госпех... - Дак'ур был обнажен по пояс. Сняли даже его подгоспешник. Когда он перевалился через край койки, терпя новые приступы

боли, он увидел кирасу своего госпеха, почтительно сложенную в углу комнаты. Вместе с ней был подгоспешник, разрезанный братьями, чтобы добраться до его ран. Дак'ур провел по ним пальцем. В свете единственной лампы они выглядели как синяки в форме пальцев.

- Вот... Я нашел это на соседнем складе. - Банхофф бросил Дак'уру какой-то сверток, который держал на коленях.

Саламандр поймал его, движение было все еще болезненным, но давалось легче, и он увидел, что это была роба.

- Она широкая, так что должна подойти вашему телу, - пояснил Банхофф.

Дак'ур посмотрел на лейтенанта, но все-

таки натянул робу.

- Помоги мне слезть с койки, - сказал он.

При помощи Банхоффа Дак'ур слез с кровати и встал на ноги. Сначала он покачнулся, но быстро восстановил равновесие, после чего изучил обстановку.

Они находились в таленькой комнате, похожей на келью. Стены были из голого камня. Пыль накопилась в углах и висела в воздухе, придавая комнате зловещий вид.

- Что это за место?

Банхофф откатился назад, когда Дак'ур пошатываясь, прошел несколько шагов от койки.

- Катакомбы Скалы Милосердия. Мы их используем в качестве лазарета, - лицо лейтенанта потемнело, - и морга.

- Уместно, - ответил Дак'ур с трачным юмором.

Странная атмосфера пронизывала это место. Дак'ур чувствовал ее, когда касался пальцами стен и вдыхал пыльный воздух.

Мы здесь...

Слова вернулись к нему, как поминальный плач. Они танили его. Он повернулся к Банхоффу, прищурившись.

- Что это?

- Вы о чем, милорд?

В погребальной тишине был слышен слабый скрип, словно перо водили по пергаменту. Глаза Банхоффа расширились, когда он тоже услышал это.

- Все клерки Муниторума наверху в стратегиуме...

- Он идет снизу..., - сказал Дак'ур. Он уже подошел к двери. Морщась от боли при каждом шаге, он выдал свое недомогание, но стиснул зубы и последовал на звук скрипа.

- Здесь есть нижние уровни? - спросил он Банхоффа, когда они шли по затененному коридору.

- Ниже катакомб нет ничего, милорд.

Теперь Дак'ур шел быстрее, и Банхофф энергично катился, чтобы не отстать.

Скрип становился громче, и когда они добрались до конца коридора, дорогу преграждала баррикада из лесоматериалов.

- Ненадежная конструкция, - сказал Банхофф.

- Она старая... - ответил Дак'ур, заметив прогнившее дерево и паутину, обвиняющую его как враль. Он взялся за одну из досок и легко оторвал ее.

Побуждаемый неведомой силой, Дак'ур разнес баррикаду, пока не наткнулся на каменную лестницу. Она вела в темную пустоту. Стояла сильная вонь ветхости и гнили.

- Мы идем вниз? - спросил Банхофф с легкой дрожью в голосе.

- Жди меня здесь, - сказал ему Дак'ур и начал спускаться по лестнице.

- Оставайтесь внутри оцепления! - заревел Цу'ган, когда еще один человек капитана Мангейма исчез в земле.

Невидимый барьер протянулся по полю смерти, проявляясь яркой вспышкой

только, когда один из призраков атаковал
его и отшатывался.

Подобно молнии вспышка быстро
рождалась и угирала, на краткий миг
резко освещающая происходящее. Орудийные
расчеты вместе с нехотой в

глинных тонких шеренгах упорно
продвигались вперед и заняли огневые
позиции, как только достигли отметки
двести метров. Ряды фаланги

извергли в бурю лазерные залпы. К
непрерывной стрельбе присоединились
тяжелые болтеры и автоматы. На такой
короткой дистанции отдача

энергетических ударов была ослепительно
яркой и, несмотря на темноту, некоторые
солдаты надели защитные очки. Кое-кто
воспользовался ими, чтобы не отвлекаться
на тени, которые скрывались за
психическим щитом библиария Нуриил,
лишь немногие не обращали на них
внимание.

Барьер был узким, как и предупреждал
Нуриил, и хотя фаланга пыталась
держать шаг с Саламандрами на пути к

переговору рубежу атаки, некоторые заступали за него. Раздавался приглушенный крик, а затем больше ничего не было ни видно, ни слышно. К моменту образования

огневого рубежа несколько дюжин солдат исчезли. Что касается Сагамандр, потерь среди них не было.

Цу'ган видел мелькающие белые фигуры варп-эха сквозь психический щит библиария. Они не исчезали, злые и разочарованные, постоянно

испытывая пределы силы Нуриила. Хотя он не мог видеть лица библиария из-за боевого шлема, Цу'ган знал по пошатывающимся движениям

эпистолярия, что тот переутомлен. Сейчас он был сосудом для почти высвобожденной силы варпа. Словно из открытых шлюзовых ворот энергия

струилась через него, в то время как Нуриил из всех сил старался направлять ее в щит. Одна ошибка и он будет потерян. Тогда Цу'гану нужно

бүдет действовать быстро, убив его прежде, чем плоть Нуриила достанется другому, предвещаая всем им смерть, неважно Саламанграм или нет.

Одно из существ пробилося через барьер, для этого ему пришлось материализоваться, и Цү'ган ударил его кулаком.

Это было похоже на удар по адамантию, и он почувствовал отдачу по всей руке и в плече, но смог отбросить существо назад. Оно ненадолго

исчезло, но быстро вернулось с раздраженным выражением на своем жутком лице.

- Твердый как железо, - проревел Цү'ган по радиосвязи, когда стрельба усилилась.

Над головой снаряды «Сотрясателей» нашли свои цели, и пустотный щит поколыхнулся у верхнего края.

Этек отбросил другого призрака за пределы психического кордона, усилия, необходимые для этого были видны по его телодвижениям.

- Возможно слишком устойчивый, -
согласился он.

- Немного, брат, - пришел горький ответ
Цу'гана. - Ягон, - передал он через боевой
щит, - что там с данными по щиту?

- Слабее, милорд, - раздался шипящий
ответ Ягона. - Но все еще недостаточно
для прорыва.

Цу'ган нахмурился. - Ба'кен...

- Мы должны наступать, - ответил
исполняющий обязанности сержанта. -
Пятидесят метров, и надавим на щит
посильнее.

В ста пятидесяти метрах опасность от
энергетических вспышек, отбрасываемых
пустотными импульсами и от
дружественного огня

«Сотрясателей» сильно увеличивались, но
с другой стороны у Саламандр не было
выбора. Скоро, после того как иссякнут
снаряды, обстрел

«Василисками» закончится. До того
времени пустотный щит должен пасть.

- Брат-библиарий, - начал Цу'ган, - еще

пятьдесят метров?

Через несколько мгновений Пуриил слабо
живнул и начал двигаться вперед.

Цу'ган обратил свое внимание к фаланге.

- Капитан Мангейм, мы продвигается.
Еще пятьдесят метров.

Офицер фаланги дал резкое
подтверждение, после чего продолжил
подбадривать своих людей и напominать
им об их долге перед Императором.

Вопреки себе, Саламангр понял, что
восхищается капитаном.

Колокола продолжали звонить, когда
имперские войска возобновили свое
движение.

Ступени были мелкими и несколько раз
Дак'ур почти терял равновесие. Он
держался за стены, едва избежав падения в
неизвестную темноту.

У подножья лестницы он пошел на слабое
пятно мерцающего света. Его теплое,
оранжевое свечение говорило о свече или
костре. Внизу была

еще одна комната, и оттуда исходил

царапающий звук.

Проклиная себя за то, что оставил свое оружие в комнате наверху, Дак'ир осторожно шагнул через узкий вход, который вынудил его нагнуться, чтобы попасть в маленькое, пыльное помещение.

За порогом комнаты он увидел книжные шкафы, набитые многочисленными свитками, томами и прочими секретами.

Религиозные реликвии

были упакованы в полукоткрытые ящики, зашатапанные имперскими печатями.

Другие вещи -- божественные статуи, символы и раки

Экклезиархии были расставлены по периметру комнаты. А в ее центре, работая пером и чернилами за низким столом, находился старый, закутанный в робу клерк.

Писец оторвался от своих трудов и заморгал напряженными глазами, рассматривая гигантского, чернокожего воина.

- Приветствую, солдат, - вежливо

поздоровался он.

Дак'ур кивнул, неуверенный в том, где он находился. Покалывающее чувство пробежалось по его телу, но затем исчезло, когда он шагнул в

ореол света, отбрасываемого единственной свечой писца.

- Ты из Муниторума? -- спросил Дак'ур. --

Что ты делаешь так далеко от стратегиума? -- Дак'ур продолжал

изучать комнату, шагнув ближе. Она

была покрыта многолетней пылью и грязью, более подходящей для забытой кладовой, нежели для офиса клерка

Департамента.

Писец застелся тонким, скрежещущим звуком, который заставил Дак'ура немного занервничать.

- Вот, - сказал старик, отстранившись от своей работы. -- Видите, что держит меня в этой комнате.

Дак'ур подошел к столу в ответ на тающий жест писца, странным образом принужденный поведением старика, и

посмотрел на его работу.

Посвященная Пустошь -- завещание ее последних дней,- прочел он.

- Скала Милосердия не всегда была крепостью, - пояснил писец за его спиной. -- И не всегда она была одна.

Почерк написавшего пергаментный список был небрежен, но Дак'ур смог прочесть его.

- Здесь говорится, что Скала Милосердия некогда была базиликой, храмом Имперской Веры.

- Читайте, милорд... - побуждал писец. Дак'ур послушался.

- ... и Посвященная Пустошь была ее сестрой. Двух бастаионов света, сияющих подобно маякам среди старых верований, несущие

просвещение и согласие Ванорису, - прочитал он прямо из текста. -- В тени Афиута, каковой был лишь зарождающийся поселением, но с

непомерными амбициями, жили сиистолны веры. Равные между собой в милосердии и преданности, но не в

укрепленности стен....- Дак'ир
оглянулся на старого писца, которые
пристально смотрел на Саламангра.

- Мне показалось, ты сказал, что они не
были крепостями?

Писец кивнул, побуждая Дак'ира
продолжить свои исследования.

- Одна была построена на твердом
каменном выступе, и от него получила
название; другая же - на глине. Во время
Бесконечного Потопа

966.М40, когда дожди сильнее каких не
помнил Ванорис, шли шестьдесят шесть
дней, случилось так, что Посвященная
Пустошь ушла в

трясину вместе с пятьюстами сорока
шестью святыми заступниками и
священниками. Три тучительных дня и
ночи базилика погружалась в

землю, камень за камнем со своими
обитателям, запертыми в стенах,
которые стали ил могилой. И три ночи
звонили они в колокола на

самых высоких башнях Посвященной

Пустоши, взывая: «Мы здесь!», «Мы здесь!»,
но никто не пришел и на помощь.

Дак'ур остановился, когда ужасное
понимание начало медленно приходить к
нему. Желая знать больше и не обращая
внимания на писца, он
продолжил.

- Афиум был наихудшим. Люди этого
города не пошли в растущее болото из-за
страха за свою жизнь, даже не пытались
спасти попавших в

беду. Они закрыли свои уши от звона
колоколов и закрыли свои двери и ждали,
когда кончится дождь. А в это время
базилика тонула, метр за

метром, час за часом, пока высочайшие
башни не поглотила земля и все ее
обитатели не были похоронены заживо и
не затолкли колокола.

Дак'ур повернулся, разглядывая старого
писца.

- Призраки на поле боя, - сказал он, - они --
варп-эхо проповедников и их патронов. Они
ведомы ненавистью, ненавистью к

Афиуту, который

закрыл свои уши и позволил им умереть,
как и я вedom виной.

- Виной?

Дак'ур собрался спросить об этом, но
писец прервал его.

- Ты близок к концу, Хазон, продолжай
читать.

Дак'ур был вынужден вернуться к чтению,
словно зачарованный.

- Это завещание -- единственное
свидетельство того ужасного деяния, более
того, это мое признание в соучастии в
нем. В безопасности я

был в Скале Милосердия, сидел праздно,
пока другие страдали и умирали. Этого
нельзя вынести. Это я оставляю как
маленькую расплату, для

того чтобы другие могли узнать о
случившемся. Моя жизнь будет потеряна,
как и их тоже.

На этом оно закончилось, и только тогда
Дак'ур понял, что старик произнес его
первое имя. Он резко повернулся, собираясь

потребовать ответы

... но опоздал. Пусец исчез.

Обстрел «Сотрясателей» внезапно прекратился, как бьющееся сердце при внезапной остановке. Его отсутствие было безмолвным похоронным

звоном фаланге и ее союзникам Астармес.

- Готово, - прорычал Цу'ган, когда имперский обстрел прекратился. -- Мы прорвемся сейчас или встретим конец. Ягон?

- Все еще держится, милорд.

Теперь они были почти в сотне метрах от пустотного щита, наступая в последней попытке перегрузить его. Без поддержки тяжелой артиллерии, это казалось невыполнимой задачей. Все больше и больше солдат фаланги гибло в разрывах психического щита, утянутые во влажное забвение

нематериальными руками.

- Я чувствую ... что-то... - с трудом произнес Пуриил, - Что-то в пустотном щите... Сразу за пределами моей

досязгаемости....

Несмотря на колоссальные усилия, библиарий слабел. Психический барьер терял свою целостность, а вместе с ним и любую защиту от варп-эха, кидającychся на его границы.

- Стойте непоколебимо! -- закричал Мангейм. -- Удерживайте позиции и стремитесь к славе, воины фаланги!

Благодаря исключительной стойкости и решимости гвардейцы держались. Даже, несмотря на то, что их товарищей поглощала земля, они держались.

Цу'ган не мог помочь, но снова почувствовал восхищение их мужеством. Как безумный дервиш, носился он вдоль линии, осылая ударами

врывающихся призраков, его плечи пылали от напряжения.

- Салатандры! Нас почти прорвали, -- закричал он. -- Защищайте фалангу. Защищайте ваших братьев по оружию своими жизнями!

- До здравствует Вулкан и слава Прометею! -- поддержал Ба'кен. -- Пусть Он на Земле увидит вашу отвагу, люди фаланги.

Эффект от слов сержанта был гальванизирующим. Вместе с вдохновляющими призывами Маннгейма они закалили солдат перед лицом почти неминуемой смерти.

Цу'ган услышал слева от себя низкий крик боли и увидел как упал Лазарь, пронзенный как и Дак'ур жуткими пальцами.

- Брат!

С'танг и Нор'ган бросились ему на помощь, в то время как Гонорий прикрыл их отступление своим огнем.

- Держитесь, Рожденные в Огне, держитесь! -- заревел Цу'ган. -- Не отступайте!

Стойкие до конца, Салатандры будут драться до последнего вздоха, и яростнее всех Цу'ган.

Закаленный в боях сержант приготовился дать последний обет своему примарху и

Цимператору, когда в его ушах ожила радиосвязь.

- Ты сумел ускользнуть от смерти, изгннеец, - бросил Цу'ган, когда понял, кто это был. -- Но ведь выживание за счет славы всегда было твоей...

- Заткнись, Зек, и вызови немедленно Нуриила, - потребовал Дак'ур, используя имя другого Салатандра и собрав столько неприязни, сколько он мог.

- Нашему брату нужна вся его концентрация, изгннеец, - снова нагрубил Цу'ган. -- Он едва ли может позволить себе отвлекаться на тебя.

- Сделай это, или будет уже не важно, отвлечется он или нет!

Цу'ган громко зарычал, но подчинился, что-то в тоне Дак'ура убедило его в том, что это было важно.

- Брат-библиарий, - равкнул он по связи. -- Наш отсутствующий брат требует поговорить с тобой.

Нуриил с трудом кивнул, его руки были

подняты, так как он старался
поддерживать барьер.

- Говори... - едва смог проскрежетать
библиарий.

- Ты помнишь, что чувствовал перед
первым штурмом? -- быстро спросил
Дак'ур. -- Ты сказал, было что-то в шите,
аномалия в его

энергетической сигнатуре. Он психически
усилен, брат, чтобы удерживать варп-эхо
снаружи.

Благодаря яростному обстрелу в
целостности пустотного щита начала
образовываться слабая трещина,
невидимая для смертного глаза, но

очевидная как замерзшая молния для
колдовского зрения библиария. И через него
Нириил разглядел психический скрытый
поток, стремящийся

удержать сам барьер. С открытием
Дак'ура пришло понимание, а затем
затмел.

- Они хотят отомстить Афиуту, - сказал
Нириил, начиная перефокусировать свою

психическую энергию и превращая ее в
острый клинок своего
гнева.

- За соучастие в их смертях свыше
тысячи лет назад, - заключил Дак'ур.

- Я знаю, что делать, брат, - просто
сказал Нуриил. Его голос наполнился
психическим резонансом, когда он позволил
наступить последним

ограничителям своего психического
канюшона. Кристаллический матричный
гаситель, который обеспечивал
психическую защиту, отключился, и
библиарий открыл себя варпу.

- Во имя Вулкана, - произнес Дак'ур,
прежде чем связь наполнилась
психическими помехами и отключилась.

- Брат Цуган... - голос Нуриила был
глубоким и невозможно громким посреди
шума битвы. Ураган сырой психической
энергии струился сквозь

него, окружив библиария вибрирующей,
пламенной аурой... - Я почти опустил
барьер...

У Цу'гана не было времени на ответ. Психический барьер пал и варп-эхосборвались. Гром потряс небеса, и красная толня разорвала клубящиеся облака, когда варп-шторм достиг своего пика.

Брешь, которую Нуриил ощущал психически, уже закрывалась.

- Держать позиции! -- кричал Мангейм, в то время как его люди гибли. -- Продолжать стрелять!

Огонь отступников, не тревожимых более ослабевшим имперским артобстрелом, был направлен на фалангу. Мангейму в горло попал шальной лазерный заряд, и он затолчал.

Цу'ган увидел, как упал офицер в тот момент, когда Нуриила охватил неистовое пламя. Подбежав к Мангейму, сержант поднял убитого офицера

на руки и увидел, как язык пламени вырвался из сверкающего тела Нуриила. Он прошел сквозь пустотный щит, через невидимую брешь, протянувшись к разумам

вражеских библиариев...

В Афиуте, глубоком тылу мятежников, внутри частично зарытого в землю бронированного бункера, группа псайкеро-сидела в кругу, их

сознания были заблокированы, их воля объединилась, чтобы набросить покров на пустотный щит, который ограждал от деяний их предков.

Необходимость в их умениях появлялась только в Адскую Ночь, когда кровавый шторм раскалывал небеса и влек за собой пробуждение тесги, жажду расплаты.

Один за другим они закричали, оранжевое пламя, невидимое для смертных глаз опустошало их пальцами объятия. Плоть плавилась, глаза

стекали как воск под горячей лампой, и один за другим псайкеры сгорели. Жар внутри бункера был сильным, хотя термометры говорили о

прохладной ночи, и за несколько секунд псайкеры превратились в пепел, а вместе с ними оборона Афиута.

На поле боя Цү'ган заметил изменение в воздухе. Угнетающее бремя, которое преследовало их с момента второго штурма за Агскую Ночь, исчезло, словно невидимые руки сняли свинцовые цепи.

Барн-эхо растворились, как туман под лучами жаркого солнца. Тишина опустилась на поле смерти, когда оружие затолчало. Пустотный щит

вспыхнул, и мгновение спустя отключился, отсутствие его гудящего шума сменилось воплями в городе Афиуме.

- Во имя Вулкана... - прошептал Цү'ган, не в состоянии поверить в то, что происходило перед его глазами. Ему не нужно было видеть, чтобы

понять: призраки обратились на мятежников Афиума и методично убивали всех и каждого.

Но это не был конец. Еще нет. Пирюил горел как зажигательный снаряд, готовый взорваться. Тело библиария

неконтролируемо билось в конвульсиях, когда он пытался обуздать

силы, которые высвободил. В нем
струилось неистовое психическое пламя.
Несколько солдат были
уничтожены ил, огонь разума становился
реальным. Люди рухнули от жара, их тела
обратились в пепел.

- Нуриил! -- закричал Цу'ган. Прижав к себе
Мангейма, он поднял одной рукой болтер.

- ... ты знаешь, что должен сделать.

Он выстрелил в спину Нуриилу,
мастерский выстрел пробил легкое
Нуриила, но рана была нестерпимая.
Нуриил устоял на ногах, пламя вокруг
него уменьшилось и опало к его коленям.
Затем он без сознания свалился на бок, и
пламя погасло.

- Цу'ган! Цу'ган!

Только через несколько секунд Цу'ган
понял, что его звали. Необычная тишина
установилась над полем смерти. Над
ниги, по мере прекращения
варп-шторма, постепенно блекло красное
небо, а дождь уменьшился. На горизонте
занимался новый серый день.

- Да к'ир...

Ошеломленный, он забыл использовать унижительную кличку другого сержанта.

- Что случилось, Зек? Все закончилось? -

Мангейм был мертв. Цу'ган понял это, когда офицер обмяк в его руках. Он не поколебался, даже в

конце, и вел своих людей к победе и славе.

Болтер Цу'гана был все еще горяч от выстрела в Пуриула. Он с осторожностью выжег метку чести на

коже капитана Мангейма. Она имела форму головы огненного дракона.

- Все кончено, - ответил он и отключил связь.

Тусклое солнце пробилось сквозь тучи.

Рассеянные лучи устремились вниз, бросая свой свет на участок земли далеко в пустыне. Цу'ган не

понимал, что это значит, только то, что когда смотрел на него, его старый гнев уменьшился, и его охватило странное чувство, которое не

сохранится в грядущие дни.

Нагал дождь. Родился новый день. Адская
Ночь закончилась, но чувство осталось.
Это была утиротворенность.

...